

Н.М.Карамзин

Письмо сельского жителя

Воспроизводится по изданию: Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964.
Оригинал здесь - <http://www.rvb.ru>

Вы желаете, любезный друг, знать все подробности моего уединения; но мы, деревенские люди, живем так обыкновенно, так просто, что не умеем сказать о себе ничего любопытного и достойного примечания. Только вы, горожане, имеете способ разнообразить свою деятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями в планах, надеждах, удовольствиях. Если не всегда можете хвалиться счастьем, то по крайней мере богатеете опытами, наблюдениями, и ваши сутки стоят нашего месяца. Мы в деревне наблюдаем только погоду, и наши записки служат историею не сердца человеческого, а термометра...

Вы назовете это сельскою шуткою - и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, счастлива, ибо я доволен ею. Лета, конечно, исцеляют нас от сей душевной лихорадки, от сего внутреннего неизъяснимого беспокойства, которое тревожит молодость; но и самый чистый воздух полей и лесов, самый вид сельской природы не имеет ли также благотворного влияния на сердце и не располагает ли его *физически* к сладкому чувству покоя? Спросите о том у ваших медиков-философов; а я между тем нахожу сие действие вероятным, чувствуя себя как будто бы другим человеком со времени моего приезда в деревню.

Вам известно, любезный друг, что я не бывал мизантропом даже и в таких обстоятельствах, которые могли бы извинить маленькую досаду на ближних; знаете, что я некогда пылал ревностию иметь обширный круг действия, в нескромной надежде на свою любовь к добру и человечеству. Но долговременное ученье в школе опыта и *феруля* сего жестокого мастера смирили мою гордость - так смирили, что я, оставив все дальнейшие требования на блестящую долю *славных людей*, взялся - за плуг и соху! Подивитесь же теперь чудной игре нашего самолюбия: с сего времени мне кажется, что добрый земледелец есть первый благодетель рода человеческого и полезнейший гражданин в обществе. "Где много героев, там много кровопролития; где много судей, там много ябеды и неправосудия; где много купцов, там много роскоши; но где много пахарей, там много хлеба, - а хлеб есть корень изобилия". Что вы скажете о сем рассуждении? Оно, верно, полюбилось бы китайцам.

Это вступление готовит вас к длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенские жители любят поговорить, когда есть случай; а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дела. Мне хочется, например, дать вам идею о главных моих *сельских подвигах*.

Я вырос там, где живу ныне. Путешествие и служба совершенно раззнакомили меня с деревнею; однако ж, сделавшись рано господином изрядного имения и будучи, смею сказать, напитан духом филантропических авторов, то есть ненавистию ко злоупотреблениям власти, я желал быть заочно благодетелем поселян моих: отдал им всю землю, довольствовался самым умеренным оброком, не хотел иметь в деревне ни управителя, ни приказчика, которые нередко бывают хуже самых худых господ, и с удовольствием искреннего человеколюбия написал к крестьянам: "Добрые земледельцы! Сами изберите себе начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своим верным заступником во всяком притеснении". Возвращаясь наконец к пенатам родины, чтобы умереть там, где начал жить, я сердечно утешался приятною мыслию, что найду деревню свою в цветущем состоянии; как поэт воображал богатые нивы, пажити, полные житницы, избыток, благоденствие и сочинял уже в голове своей письмо к какому-нибудь русскому журналисту о счастливых плодах свободы, данной мною крестьянам... Приезжаю и нахожу бедность, поля, весьма худо обработанные, житницы пустые, хижины гниющие!.. С горестным удивлением призываю к себе стариков, которых имена были мне еще с ребячества памятны, - расспрашиваю их и наконец узнаю истину! Покойный отец мой, живучи сам в деревне, смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны, - и в нашей деревне хлеб родился лучше, нежели во многих других; господин богател, и земледельцы не беднели. Воля, мною им данная, обратилась для них в величайшее зло: то есть в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему с некоторого времени до ужасной крайности как в нашей, так и в других губерниях. Эта язва в здешних, удаленных от столицы местах есть новое явление: живо помня лета своего детства, помню и то, что прежде в одни большие годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая друг друга домашним пивом или вином, купленным в городе. Ныне будни сделались для них праздником, и люди услужливые, под вывескою орла, везде